

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ РОМАНА В. Я. ШИШКОВА «ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ»

Э. Ф. Кондюрина

В работе над историческим произведением существует известная специфика процесса творческой типизации. Изображая исторических лиц и вымышленных героев, писатель должен заставить их действовать и чувствовать по законам воссоздаваемой эпохи. Решительно все средства типизации могут быть использованы для передачи колорита времени. Одним из главных средств является язык. По образному выражению В. Шишкова: «Язык — это сказочная живая вода: спрыснешь и все оживо».¹

Далеко не каждому писателю удается справиться с задачами исторической типизации. Традиции жанра складывались на протяжении большого периода времени. Усилиями нескольких поколений писателей постепенно совершенствовались принципы типизации, обогащались традиции. Наши литературоведы еще не занялись систематическим изучением опыта отдельных художников. За последние 3—4 года интерес к историческому жанру возрос. В ряде книг и статей было обращено внимание и на вопросы языка.² Думается, исследование конкретных произведений, как это было сделано авторами опубликованных работ, на современном этапе изучения исторического жанра является наиболее целесообразным. Это позволит накопить материал, необходимый для более широких обобщений.

В предлагаемой статье делается попытка определить принципы исторической типизации языка в произведении Шишкова «Емельян Пугачев». Источниками данной статьи, кроме опубликованного текста «Емельяна Пугачева», явились рукописи II и III книг повествования, записные книжки писателя, находящиеся в его архиве.³

¹ В. Шишков. А. Н. Толстой. «Октябрь», 1945, № 3, стр. 171.

² Н. Ю. Шведова. Принципы исторической стилизации в языке повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Материалы и исследования по истории русского лит. яз., АН СССР, М., 1953. В. Щербина. А. Н. Толстой, изд. «Сов. пис.», М., 1956.

³ Архив В. Я. Шишкова находится в Москве, в его последней квартире.

Колорит эпохи в историческом произведении передается средствами языка героев и повествователя.

Знание самых разнообразных элементов языка эпохи еще не обеспечивает писателю исторического правдоподобия *языка героев*. Художник должен найти ту меру использования этих элементов, которая и создает впечатление жизненной правды. Поэтому трудно переоценить опыт Пушкина, разработавшего принципы исторической индивидуализации языка героев. Он опирался не только на знание письменных памятников XVIII века, но и на живое звучание речи прошлого. «Капитанская дочка» написана через 60 лет после восстания. Пушкин был современником некоторых участников восстания и очевидцев — Дениса Пянова, Державина и др. Он ездил на места событий, разговаривал с казаками, которые еще помнили Пугачева. Все это позволило Пушкину передать в речи героев наиболее характерные черты языка разных социальных групп. Язык Швабрина — типичен для аристократической части общества, Гринев — для провинциального дворянства. Особенно полно воспроизвел Пушкин все богатство народной речи. Черты национального языка — афористичность, краткость, меткость — наиболее полное выражение получило в языке Пугачева. Язык Савельича типичен для крепостного крестьянина эпохи. Так же индивидуален и исторически определен язык Ивана Кузьмича, Ивана Игнатьевича и др. героев. Все это позволяет приравнять «Капитанскую дочку» к числу первоисточников языка и стиля XVIII в.

Опыт Пушкина был ценен для Шишкова, который воссоздал в произведении целую историческую эпоху. Изображение представителей разных национальностей, профессий, социальных групп могло быть убедительным при условии глубокого знания всего богатства языковых стилей. В произведении Шишкова около тысячи героев, и большая часть из них является представителями народа. Это потребовало от писателя разнообразия средств индивидуализации языка.

Нас в данном случае интересует то общее в языке всех героев, что является выражением характерных черт эпохи. За основу языка автора и героев Шишков в равной степени берет литературный язык современного ему общества. Однако для характеристики речи персонажей писатель в дальней степени использует выражения народного разговорного языка, не обходя и просторечные выражения.

*Беглые мы, это верно. От лютого помещика тяголя задали. Нас здесь-ка в укрытии четыре семейства. Не жравши сидим. В городок бы надо за хлебушком, да опасаемся. Нет ли у ты хоть корочки кормилец? Да ты сам-то кто будешь?*⁴

Как видим, речь героя насыщена разговорными выражениями, употребляемыми и сегодня. Но они даны в сочетании с историческими и устаревшими (беглые, лютого, кормилец), что придает языку налет архаичности.

⁴ В. Я. Шишков. Емельян Пугачев, М., 1950, кн. I, стр. 629. Здесь и в дальнейшем подчеркнута мною; все цитаты по этому изданию.

Для характеристики речи казачества Шишков нередко прибегает к использованию областных выражений, например, «Вроде как *гулебщниками* будем» (I, 652), «*ништо, ништо* друг мой» (I, 654). Донские слова, однако, не передают колорита времени, поскольку они не понятны, не ощущается их «возраст», а только разнообразят выражения народного разговорного языка.

Одним из значительных средств архаизации языка является лексика и обороты речи, взятые Шишковым из произведений самого народа. «Вот *царь-государь* — ... Это подарочек вашей милости от нашего завода, в *путь-дорожку* тебе и во счастье» (III, 105). «Царь-государь, *дозволь слово молвить*... к Сакмарскому городку казенный генерал идет с войском. Тебя *наш свет*, ловить» (II, 301). Образы народного творчества придают языку героев поэтичность и в то же время дают почувствовать своеобразие языка прошлого.

Тем же целям служит широкое использование в речи пословиц и поговорок. Далеко не каждая пословица и поговорка имеет резко выраженную временную окрашенность. Напротив, они сохраняют свое значение для многих эпох, поскольку являются выводом из длительных жизненных наблюдений. Но в том и в другом случае чувствуется, что они созданы не сегодня. В произведении Шишкова чаще встречаются пословицы без ярко выраженной временной окраски. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», (I, 347), «попала собака в колесо, пищи, да бежи» (I, 348).

Для языка автора в историческом произведении писатель отбирает слова, главным образом, основного словарного состава, для языка героев — может использовать все лексические категории. Писатель — историк сталкивается с той трудностью, что он не может ознакомиться со всем богатством разговорного языка прошлого, особенно далекого прошлого. Исторические документы, письменные памятники не передают всего разнообразия языка, а выражения, характерные только для определенной эпохи, умирают вместе с ней. Поэтому особенно ценным для писателя-историка являются художественные произведения прошлого, которые и помогают познать черты разговорного языка времени.

Записные книжки Шишкова раскрывают принцип отбора писателем выражений разговорного и книжного языка XVIII века. В записные книжки вносились характерные для этой эпохи слова, конструкции фраз, например, «по умертвии» (по смерти) такого-то (очень распространенное выражение), «пошел в бег» (бежал, скрылся), «худоконны» — о плохих конях, «пастух-скотарь»;⁵ «Я ласкаю себя надеждой, Ваше величество»; «Я этих шаркунов, да ферлакуров не больно люблю».⁶ Одновременно Шишков собирал выражения, возникшие именно в тот период, о котором писал: «Стенька Разин купцов грабил, этот наровит на царство сесть», «плутец Пугачев».

Кроме того, отдельные записи убеждают нас, что писатель не менее

⁵ Записная книжка № 3, архив писателя.

⁶ Карточка № 42, архив писателя.

интересовался чертами сходства в языке двух эпох. «Вчера (а не вчера) даже канцлер Воронцов говорит».⁷

Тщательно отбирая черты своеобразия языка XVIII века, Шишков, однако, не сделал их основой языка героев. Они были использованы только как материал колорита, основой же явился язык современного писателю общества.

«Ах, молодой человек... Ну-с». «Ах молод, молод, ты еще *зело*, поручик».⁸

Как видно, это обращение Бибикова к Державину в первой редакции звучало очень современно. Слово «зело» в сочетании с историческим понятием «поручик» придало фразе несколько архаический оттенок.

Вспомню — мурашки по спине... Двести тридцать седьмого кончил... Счет веду! И видел я сон: говорит до полтысячи дойдешь, спасен будешь.

Вспоминаю-о *сю пору* мурашки по спине... Двести тридцать седьмого *намедни* кончил... Счет веду!... говорит голос вещей — до полтысячи дойдешь, спасен будешь.⁹

В окончательной редакции речь Бурнова не только стала образнее, но и колоритнее. И в этом случае писатель отталкивается от современного литературного языка.

В работе над языком героев Шишкову помогал опыт его предшественников. К этому времени сложились принципы исторической типизации языка героев, чего нельзя сказать о *языке повествователя*. Последний зависит от самой формы повествования, форма — от жанра произведения. Поэтому художник менее всего может опереться на традиции исторического жанра в вопросах типизации языка повествователя. Так в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» рассказ ведется от имени Гринева, являющегося участником событий. Язык повествователя в данном случае не отличается от речи героев. А. Чапыгин и Ю. Тынянов, создавшие первые образцы исторического жанра в советской литературе, нашли и свои принципы повествования.¹⁰ То же самое нужно сказать об Ал. Толстом, В. Шишкове и других советских писателях.

Основные трудности в работе над языком повествователя определяются различием, существующим между языком современного писателю общества и той отдаленной эпохи, о которой он повествует. С одной стороны, язык писателя должен быть понятен читателям. С другой — язык повествователя в историческом произведении только тогда органичен, когда он близок языку героев.

В советской литературе блестяще справился с этой задачей

⁷ Записная книжка № 3, архив писателя.

⁸ Машинописная редакция II кн., стр. 605, архив писателя.

⁹ Там же, стр. 601.

¹⁰ В романе «Разин Степан» Чапыгин отводит повествователю минимальную роль. Слово принадлежит главным образом героям. Диалог, многоголосый говор толпы — определяющее в построении произведения, что придает ему драматизованную форму.

Ал. Толстой. Толстой стирает грани между языком персонажей и языком повествователя; у него незаметны переходы от речи героя к речи автора. Достигается это самыми разнообразными средствами. Он использует в языке повествователя архаизмы, иностранные слова, понятные без перевода, выражения просторечные.

*Чада прыгали с ноги на ногу...*¹¹ Наталья Кирилловна не могла надивиться, — откуда у Петрушки столько *благоразумия*; не нарадовалась на его *благолепие*: мать и патриарка почитает, ближних бояр слушает, с женой спит, в *мыльню* ходит. Наталья Кирилловна, как роза осенью, расцвела в лавре: пятнадцать лет *жила в забросе*, и вот снова *пихаются* локтям великородные князья, чтоб поклониться матушке-царице; бояре окольничьи в *уста* смотрят, чтоб кинуться за делом каким-нибудь.¹²

Как видим, книжные выражения (*благолепие*, *благоразумие*) не только передают торжественность обстановки, но и колорит эпохи—торжественность не сегодняшнего дня. Торжественность тогда был синонимом неподвижности (составные слова у Толстого). Разговорные выражения (*пихаются*, *в забросе*) не только не разрушают этой атмосферы, но еще больше подчеркивают наиболее существенное.

Одним из распространенных приемов стирания граней между языком героев и повествователя у Толстого является использование устаревших синтаксических конструкций («сына дворянского Волкова»)¹³.

Органичность речи повествователя достигается употреблением в языке автора и героев одних и тех же выражений. Это становится возможным потому, что картины объективной действительности в романе часто даются через восприятие героев. Так описание Кукуя: «Приветливый свет из окошек небольших домов падал на низенькие ограды, на подстриженные деревца, на *стеклянные шары*, стоявшие на *столах* среди песчаных дорожек»,¹⁴ — дано глазами Алексашки Меньшикова, никогда не видевшего уличного освещения.¹⁵

С помощью языка автора Ал. Толстой создает живые, почти осязаемые картины исторического прошлого. И в то же время речь повествователя как нечто самостоятельное в «Петре I» не ощущается.

«Емельян Пугачев» по жанру — историческое повествование. В повествовании личность рассказчика не затушевывается, а всемерно подчеркивается. Поэтому его речь должна быть в такой же степени индивидуализированной, как и героев. Чтобы не вносить дисгармонии в произведение, язык автора должен быть близок языку героев, но в то же время читатель должен видеть в повествователе своего современника и по образу мыслей, и по форме их выражения.

В отличие от Ал. Толстого, Шишков ведет повествование от своего имени.

¹¹ Ал. Толстой. Собрание соч. в 15 т., ГИХЛ, М., 1946, т. IX, стр. 7.

¹² Там же, стр. 166.

¹³ Там же, стр. 13.

¹⁴ Там же, стр. 61.

¹⁵ См. картину Москвы в I главе 3-й части и др.

Впереди первого взвода, пробежав лишних два шага и со страхом посунувшись пятками назад, утвердился на месте, как вкопанный, низенький, толстенный старичок со звездой на груди, с голубой под кафтаном лентой. Он задыхался, как запаленная лошадь, широко открыв рот и полные испуга глаза, косил их в ту сторону, где скомороший царек на коне, и с трепетом ждал обидного высочайшего окрика (I, 162).

Из приведенного отрывка видно, что повествователь не ограничивается рассказом о событиях, а передает и свое отношение к героям (скомороший царек, старичок).

Нередка в произведении форма авторских раздумий, позволяющая еще отчетливее обрисовать личность повествователя.

Вот если бы подобные речи принес волжский ветер в уши Емельяну Ивановичу. Сначала они испугали бы «батюшку» и поразили, затем сердце его наполнилось бы радостью... Может быть, может быть... Эти слова не выдуманные, они действительно впервые прозвучали на Волге, они еще кой-где прозвучат, они впоследствии найдут свой отзвук и в Москве.

И откуда взялись они? Эх, видно не одна в поле дороженька разнесла их по России, сверху, что ли... (III, 464).

Еще у Пушкина в «Капитанской дочке» повествователь выступил в роли рассказчика и историка.

На другой день, возвращаясь от обедни, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камушки, щепки, бабки и сор всякого рода, *запаханный* в нее ребятишками... Она *кликнула* Ивана Игнатьича...¹⁶

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, *коим* я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года. *Сия* обширная и богатая губерния *обитаема была* множеством полудиких народов...¹⁷

Как видим, в одном случае стиль повествователя разговорный, в другом — книжный.

У Шишкова повествователь тоже выступает в роли рассказчика¹⁸ и в роли историка.

До Оренбурга *оставалось* всего около *тридцати верст*. Если б Пугачев не провел зря четверо суток в Татишевой да в Чернореченской, он легко мог бы овладеть не готовым еще к обороне Оренбургом. Однако использовать *столь* удобный случай пугачевцы *прозевали* (II, 139).

Из сравнения описаний у Пушкина и Шишкова видно, насколько различны их принципы исторической типизации языка. Это определяется тем, что личность повествователя у них не одинакова. У Пушкина повествователь Гринев — участник событий, человек XVIII века, поэтому язык его должен быть типичным для той эпохи. Он действительно отражает существенные стороны книжного языка прошлого. Книжные элементы придают описанию торжественность, величие. Стилизовыми средствами Пушкин усиливает свое утверждение значительности событий.

¹⁶ А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10 т., АН СССР, М.-Л., 1950, т. VI, стр. 450.

¹⁷ Там же, стр. 446.

¹⁸ См. пример выше.

Исторические описания в «Емельяне Пугачеве» многочисленны, что объясняется замыслом Шишкова создать произведение — переоценку прошлого, восстановить историческую истину, убедить читателя в правильности его писательского взгляда на историю. Часто место художника заступал гражданин-историк. Поэтому много фактов, исторических сведений, цифр в этих описаниях. Шишков — повествователь смотрит на события как на далекое прошлое, следовательно, нет необходимости стилизовать его речь под книжный язык XVIII века. В основу языка повествователя в исторических описаниях положен современный литературный язык, но с элементами разговорного. Слова «легко», «около», «верст», «оставалось», «зря» в обычном контексте художественного произведения не воспринимаются как не литературные, но в историческом описании, в сочетании с цифрами и точными фактами они выглядят достаточно «вольно». Из этого отрывка можно видеть, что язык исторического описания у Шишкова не передает своеобразия письменного языка прошлого. Речь повествователя передает, если можно так сказать, колорит предмета. Она меняется в зависимости от отношения писателя к явлению или предмету. Словечко «прозевали» в приведенном выше отрывке взято из разговорного языка, оно помогает установить близость между языком автора и языком героев — речь идет о повстанцах — и в то же время передать отношение самого писателя к событиям, вернее, поступкам Пугачева — осуждение, но участливое.

Как видим, повествователь в «Емельяне Пугачеве» выделен — это наш современник. Однако его язык близок языку героев, что достигается использованием однородного языкового материала для характеристики языка героев и автора — народного разговорного языка.

Литературный язык со времени Пугачева претерпел более значительные изменения, чем разговорный язык за тот же период, в силу того, что литературный язык XVIII века был по сравнению с разговорным в большей степени архаизирован. До Пушкина письменный литературный язык сильно отставал от разговорной речи. Поэтому использование в языке автора разговорных выражений позволяет ему быть характерным для XVIII века и в то же время общепонятным.

Сопоставление языка повествователя у Ал. Толстого и Шишкова показывает их различие в степени насыщения колоритом. Язык автора у Толстого — средство исторического живописания. Поэтому так много исторических понятий в языке, так своеобразна синтаксическая конструкция. Язык повествователя у Шишкова менее конкретно-историчен, его нельзя отнести только к одной определенной эпохе, как это присуще языку Ал. Толстого. По сравнению с Ал. Толстым, Шишков реже употребляет архаизмы, у него меньше исторических понятий. Все это приближает язык повествователя у Шишкова к современному нам языку.

Шишков долго и упорно работал над языком повествователя. Об этом свидетельствуют рукописи «Емельяна Пугачева». Основой языка повествователя с самого начала был современный литературный язык,

который затем изменялся в сторону сближения с языком XVIII века. Многочисленные правки писателя можно разделить на несколько групп: замена нейтральных для XVIII в. выражений характерными, с другой стороны — специфичных для сегодняшнего дня — нейтральными; лексика литературного языка вытеснялась разговорной.

Большая часть исправлений сделана с целью уточнения конкретно-исторических понятий. «Он сейчас сидит под окном в отведенной ему комнатке в нижнем этаже дворца и трудолюбиво срисовывает с медной монеты...»¹⁹. Слово «комнатка» заменено писателем на «горенка», а вместо слова «дворец» употреблено «государевы палаты» — так называли пугачевцы резиденцию Емельяна Ивановича. Как видим, в первом варианте слова характерны не только для XVIII века. Они живут и по сей день — «дворец пионеров», «дворец культуры» и т. д., не говоря о слове «комнатка». «Горенка» и «государевы палаты» — отжившие понятия, они сразу воскрешают в памяти прошлое и в то же время понятны современникам.

Кроме того, для характеристики речи повествователя Шишков использовал некоторые вышедшие из употребления выражения, но в самой незначительной степени. Этих изменений в рукописи меньше всего (выражение «образованные люди» заменено словом «книжные» и др.).

Показателен тот факт, что в рукописи очень мало выражений, характерных только для сегодняшнего дня, так сказать, модернизированных оборотов речи. Это свидетельствует о близости языка повествователя в «Емельяне Пугачеве» языку самого автора.

Правки Шишкова говорят о том, что большинство «колоритных» выражений и слов он черпал из произведений народного творчества.

Жену с несчастной Дашенькой он отправил подальше от опасности... Неужто невмочь тебе узнать меня? — еще мягче, еще задушевней *проговорил* Пугачев.

Жену с горемычной Дашенькой он отправил подальше от опасности...²⁰ Неужто невмочь тебе узнать меня? — еще мягче, еще задушевней *промолвил* Емельян Иванович.²¹

Исправления писателя придают фразам некоторую архаичность. Слова эти употребляются и сегодня, но воспринимаются они как устаревшие. Подобная замена придает языку повествователя не только большую историчность, но известную близость языку народного творчества.

Стремление писателя как можно шире использовать в языке повествователя выражения народного разговорного языка определили своеобразные формы повествования. В роли рассказчика выступает не только автор, но и многие герои. Историю своей жизни рассказывает

¹⁹ Емельян Пугачев. II конторская книга, рукопись, 1940, стр. 217, архив писателя.

²⁰ Машинописная редакция II книги «Емельяна Пугачева», стр. 543, архив писателя.

²¹ Там же, стр. 427.

Хлопуша, Горбатов, отец Иван, Бурнов, Бородавкин. Постоянно вспоминает о скитаниях «по чужим странам» Пугачев. Такой прием позволяет писателю максимально использовать характерные для XVIII века лексические категории. Кроме того, Шишков нередко придает речи повествователя диалогическую форму, приобретая этим право шире привлечь выражения разговорного языка.

Царь Петр Федорович жив — здоров. Сказывают, ему фельдмаршал Миних свободу даровал...

— Так где же теперь бывший император?

— А господ его ведает. Где-нибудь в народе укрылся, обличье переменил... Нешто долго.

— Что ж, народ примет его, не выдаст!

— А пошто его выдавать? Он народу худа не сотворил ни на эстолько (I, 275).

Диалог в данном случае не является средством характеристики героев, а передает мысль автора. Поэтому даже не указано, кто говорит.

Работа Шишкова над языком исторического повествования о Пугачеве обогатила традиции исторического жанра. Подобно большинству писателей, за основу языка героев и повествователя Шишков взял современный литературный язык, но средства передачи колорита у него иные: выражение разговорного языка и поэтического языка народа. Язык «Емельяна Пугачева» ближе всех произведений о прошлом к языку современности.